

А Л А Н Д А Р

ЖЕЛТАЯ ПЫЛЬ

Алан Дар

Желтая пыль. 18+

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507392

ISBN 9785449066251

Аннотация

«Желтая пыль» – душераздирающая исповедь подростка, подвергавшегося систематическому физическому и эмоциональному насилию. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	11
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Желтая пыль

18+

Алан Дар

Дизайнер обложки Леонид Блюммер

© Алан Дар, 2019

© Леонид Блюммер, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-6625-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

«Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь», евангелие от Матфея, 6:9, 13

Знаете сколько раз я читал эту чертову молитву? Столько, что она потеряла всякий смысл. Когда одно и тоже слово пускаете по кругу, в бесконечный полет, а потом, спустя десяток повторений, понимаете, что это просто набор странных звуков. Так и для меня «отченашижееслинанебесах» – словно я пытаюсь вызубрить заданный в начальной школе страхолюдиной-училкой по французскому какой-то высокодуховный стих, но ни черта, ни черта не понимаю, что я такого там талдычу. А потом на меня обрушивается удар ремня. Я продолжаю.

«Приди, Святой Дух, просвети мой разум, чтобы я лучше осознал свои грехи; побуди мою волю к моему сердцу к подлинному раскаянию в них, к искренней исповеди и решительному исправлению своей жизни. О Мария, Матерь Божия, Прибегущие грешников, заступись за меня. Святой Ангел Хранитель, святые мои Покровители, испросите для меня у Бога

благодать подлинного исповедания грехов. Аминь».

Пять раз «Отче». Пять раз «Святой дух». Десять ударов кожаным ремнем. В какой-то момент я вдруг принял для себя все то, что со мной происходило. Каждые выходные. Из недели в неделю. Из года в год. Каждую гребанную субботу, пока вы пили утренний кофе или наконец находили время потрахаться, мой отец отводил меня в сарайчик у дома – старая такая, деревянная постройка, где хранились дрова, инструменты и прочий хлам. Там все и происходило. Пять раз «Отче». Пять раз «Святой дух». Десять ударов кожаным ремнем. Отец говорил, что очищает меня. Очищает от грехов моих. От греха моего, который я заработал самым появлением на свет – это называется первородный грех. От грехов моих, которые я совершил в течении недели. С воскресенья по субботу.

Мне было пять, когда папаша решил приблизить меня к богу, решил очистить меня. Он зашел ко мне в комнату. Торжественный и молчаливый. В голубой сорочке и шерстяной с треугольным рисунком жилетке, практически полностью закрывавшей застиранный синий галстук. Он присел на кровать.

«Мне надо поговорить с тобой, сынок» – он взглянул на меня своим мягким, улыбающимся взглядом. Своим фирменным, как говорила мать, взглядом. Именно таким взглядом он одаривал всех своих недоумков пациентов, приходивших к нему вывернуть наизнанку свои поганые душонки

и получить добро на очередной курс антидепрессантов.

Когда он присел на мою кровать, доставшуюся мне от брата, а брату от отца, а отцу от его брата, когда он присел на эту старую, повидавшую виды кровать, когда она заходила под его тучным телом, когда каждая деталь ее изношенного усталого основания издала уже привычный мне скрип, уже тогда, уже тогда мне стало ясно – надвигается пиздец. Я понял – настал и мой черед.

Мать моя стояла в дверях и смотрела на отца. Эта безмозглая курица вообще была ни на что не способна, кроме как драить дом и пялиться на отца. Она стояла в дверях со своей неизменной синей лентой в волосах.

«Оставь нас одних, Клара» – отец, видимо, подметил мое встревоженное выражение лица и почувствовал, что все может пойти не так гладко, как ему хотелось бы. Ему важно было, чтобы никто не ставил его авторитет под сомнение, особенно публично и он решил избавиться от свидетелей.

Мать без возражений ушла. В очередной раз надраивать унитаза или печь пирожные. Больше она ни на что не была способна. Только драить и печь. Драить и печь. И пялиться на отца. Она ушла, сверкнув своей старомодной юбкой по середину икры, пышной такой, как из этих уебищных фильмов про отчаянных домохозяек шестидесятых и цокая каблуками. Вы можете, мать его, представить нормальную обычную бабу, которая ходит по своему кредитному дому на каблуках? На, мать его, каблуках?

Отец смотрел на меня растянув свои губы в приторной полуулыбке, той самой, которой он одаривал своих клиентов, когда те распинаясь в благодарностях, получив нужный им рецепт.

Как только цокот каблучков затих, отец положил свою большую волосатую руку с короткими растопыренными пальцами мне на колено.

«Что ты знаешь о Боге, сынок?» – он заглянул в мои глаза. Твою ж мать. Что мог я знать о чем-либо кроме как то, что они сами мне рассказали? Что вообще можно было знать в таком возрасте? Я тяжело сглотнул. Я боялся своего отца. Боялся, так как он всегда создавал вокруг своей никчемной жалкой фигуры ореол значимости. То как он смотрит. То как он одевается. Его повелительные, мягкие, не принимающие и тени возражения интонации. Даже его лысина, прикрытая сальными тоненькими волосиками. Все вызывало во мне страх и отвращение. Отвращение и страх. Его плотные жирные губы. То как они медленно двигались, разжевывая мне те или иные ебанутые истины, который он тщетно пытался до меня донести.

Что ты знаешь о Боге, сынок? Что ты знаешь, мать его, о Боге? Я обращаюсь к каждому из вас. Что вы все вместе знаете о Боге, даже сейчас, полысев, растолстев и набравши килограммы сожалений? Что вы знаете о Боге? Он спросил меня об этом в пять. И ждал, мать его, ответа. Я что-то промямлил. Отец изменился. Его приторной улыбки и улыбаю-

щегося взгляда как и не бывало. Лицо его, обтянутое прозрачной белой кожей, на которой были заметные любые раздражения, лицо его и шея его, короткая и толстая, все покрылось красными пятнами, пальцы его затеребили край покрывала, дыхание его, тяжелое, сделалось еще тяжелее, и все тело его поддалось вперед, ко мне, словно собиралось разломить мое – тогда еще слабое и хрупкое. Он был вне себя от моей медлительности. Сейчас то я понимаю, он был вне себя из-за того, что ни он, ни моя тупорылая маман не успели как надобно меня подготовить к этому важному дню. Мне стало страшно, так страшно, что поджилки у меня под коленями затряслись, а по спине пробежал холодный пот.

Я уже видел это лицо. Я видел это лицо всякий раз, когда мама недостаточно солила суп, или наоборот добавляла в него слишком много соли, когда на стаканах оставались следы от пальцев, а на рубашке – мелкие плохо проглаженные складочки, когда полотенца сушились не один к одному, а как попало... Я видел это лицо, когда брата застукали с его первой сигаретой, а потом и с первой девушкой, я видел его всякий раз, когда что-то шло в разрез с представлениями отца о должном.

«Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло. Ветхий завет, книга Екклесиаста, глава восемь, стих одиннадцатый» – он читал еще много разного текста, произносил много разных непонятных мне слов. Он смотрел на меня горя-

щими глазами. А потом сказал, что мне уже пять и пришло время очиститься.

Пять раз «Отче наш». Пять раз «Святой дух». Десять ударов кожаным ремнем. И так из недели в неделю. Каждую субботу. Каждый год.

Когда все закончилось, мама напоила нас чаем с печеньем – песочным с кусочками шоколада. И так из недели в неделю, каждую субботу, каждый год. Моя мать пекла свое злоебучее печенье, пока меня пиздили коричневым кожаным ремнем, висевшим в свободное от экзекуции время на гвозде в сарае, позвякивая при каждом сильном порыве ветра своей уже старой, тусклой, облезлой бляшкой.

То воскресение было особенным для всех нас. Для меня – потому что вся спина и задница у меня покраснели и горели. Мне было больно садиться, лежать на спине, а еще больнее было купаться. Мамаша же решила меня хорошенько вымыть перед отцовским назначением. Она натирала меня мылом и мочалкой, нисколько не заботясь о том, что мне чертовски больно. Она не умела быть мамой, зато она умела драить. Вот она и делала то, что умела. Она драила меня, напевая какую-то сопливую песенку и думала, что слезы у меня на щеках от шампуня. И она старательно промывала мне глаза и просила закрывать их. Эта дура словно не замечала моей раскрасневшейся, с множеством ссадин спины. Она мылила меня и напевала свою уебищную песню.

Она напевала эту песенку всю дорогу к церкви, крепко держа меня за руку. Мы тащились по апрельской слякоти. Поверх моих ботинок были натянуты бахилы. Очень важно было не испачкаться в такой знаменательный день. Мне нравилось смотреть под ноги, на эту коричневатую жижу, на эту грязь. Вы знаете из чего состоит грязь? Самая обычная грязь на наших самых обычных улицах? Грязь – это смесь пыли, земли и жидкости. Все очень просто. Я любил смотреть на грязь, копаться в ней носком свое ботинка. Я любил прыгать в грязи. В смеси пыли, земли и жидкости. Все-

го лишь пыль, земля и жидкость. То что под нами, в нас и на нас. Но когда все это смешивается, это превращается в грязь и грязь уже трогать нельзя. По отдельности можно. Все вместе – нельзя. «Грязь пачкает» – говорит мама и протирает платочком свежее пятно у меня на штанине. Эта дура, всю жизнь посвятившая себя уборке, так и не узнала, что от грязи гораздо легче избавиться тогда, когда она высохнет.

До церкви идти минут двадцать пять. Легким шагом. Без спешки. Мама всегда наряжалась в церковь. Строила из себя добропорядочную женщину. Неяркое, скромного кроя платье, непременно расклешенное к низу, длиной по середину икры. Она строила из себя добропорядочную женщину, а я знал, что она просто прятала свои жирные коленки. Жирные, словно набитые салом, коленки. Свою короткую, изуродованную глубокими кольцами времени шею она украшала семейным жемчужным ожерельем. Перед тем как надеть его, она чистила каждую жемчужинку.

Каждое воскресенье. Из недели в неделю. Из года в год. Мыльный раствор, тряпочка, оливковое масло. Блестящее, как новое, жемчужное ожерелье. Каждое воскресенье. Из недели в неделю. Из года в год.

В церкви нас уже ждал отец – нарядный и не менее тошнотворный чем обычно, хоть он и менял свою маску доброжелательного пидораса на не менее пидаростичную маску смиренного верующего. Он стоял там, как надзиратель. Он смотрел на каждого входящего и каждому входящему выносил

свой приговор. Каждого он находил недостаточно порядочным, или искренним, или смиренным.

«У Буллоков как всегда немытые волосы» – шипел он с осуждением и брезгливостью. И мамаша пялилась на него и кивала.

«Могли бы хоть к воскресенью вымыть» – никак не мог он уговориться. И мамаша пялилась на него и кивала.

А я стоял подле них – вымытый, выпоротый и надушенный вонючим парфюмом. Они гордились собой. Они на отлично выполняют свою работу родителей. Я чист и прилежен, ровно как и они. А потому, ни у кого, никогда не будет повода сказать про них плохо.

У отца грудь раздувалась как у индюка. Это была его стихия. Это был апофеоз его невротически важной деятельности за неделю. Пять дней в неделю он выслушивал лживые причитания полусторчавшихся менеджеров среднего звена, всю субботу он, по его же выражению, наводил порядок в доме, а в воскресенье, он просто был, без всякой деятельности, ощущая свое превосходство.

Он стоял там. Глава общины. Самый добропорядочный. Самый успешный. Самый мудрый.

«Посмотри на него, милый, вот на кого тебе надо равняться» – шептали женушки своим менее добропорядочными мужьям, от которых все еще разило перегаром после субботней пьянки.

Мама стояла рядом с отцом, это молчаливое доказатель-

ство альфасамцовой строгости главы семьи. Она стояла рядом и была готова лопнуть от гордости.

«Посмотри на нее, милая. Она то точно не пилит своего мужика» – шептали мужья на уши своим женам, все еще пахнущим своими субботним любовником.

В то воскресенье отец был особенно чинен, а мать особенно добропорядочна. То было очень важное воскресенье, когда отец стал главой нашего общества.

Мне кажется, или лица у вас слегка вытянулись? Я вижу как вы хлопаете своими глазами и брезгливо отворачиваетесь от меня. Нет уж. Слушайте меня. Слушайте меня, вы, добропорядочные и безгрешные. Слушайте меня. Я продолжу говорить. У меня есть на это полное право. Полное, мать его право.

В первый класс я пошел уже с деревянной задницей, способной выдержать какие угодно удары судьбы. Я казался себе невротически взрослым и матерым. Я все еще боялся отца. Но это уже был не животный инстинкт, нет, это был вполне рациональный страх перед видимой угрозой – реальной, конечной и устранимой. Я знал, рано или поздно, я поставлю этого сукина сына на место. Я понимал это своим детским неокрепшим умом. И это понимание приносило мне удовлетворение.

Я помню свой первый школьный день. Помню эти ужасно узкие штаны темно-красного цвета. Они впивались мне в задницу и мне страшно хотелось их стянуть. Кара. Моя мать. Она умилялась. Она смотрела на меня и говорила своим писклявым приторным голоском: «Милый, как же тебе идет школьная форма». Она уверяла меня, что они так и должны сидеть. И что мне некомфортно с непривычки, ведь она снимала точные мерки. Она смотрела на меня сво-

ими тупыми коровьими глазами. Она умиленно вздыхала. Она была героем сегодняшнего дня. Мать первоклассника, жена главы общества. Всем своим видом она кричала о том, что она состоялась, что она не абы кто. К ней подходили здороваться разные страшные тетки и все непременно растягивали своими наманикюренными нафталиновыми пальцами мои щеки и говорили маме, какой же я милашка, и говорили маме, какая же она молодец. Нас было всего лишь десять. Десять первоклашек. Десять несчастных идиотов, чью жизнь решили предопределить свихнутые на голову ушлепки. Нас разделили на две группы – шесть мальчиков и четыре девочки. Шесть потенциальных самоубийц. Четыре потенциальные жертвы изнасилования. И мы стояли там, в актовом зале, на деревянном возвышении, именуемом сценой, где каждое наше случайное движение сопровождалось скрипом поподавшей виды древесины, и где пару десятков восторженных глаз пялились на нас, как на одной из своих достижений. А мой отец, мой добропорядочный, благопристойный отец, в лучших общинных традициях благословлял нас перед этим важным этапом наших жизней. Да-да, именно так он и сказал.

«Благословляю вас, ведь впереди у вас один из важнейших этапов жизни». Мы слушали его и кивали. Шесть потенциальных задротов с хроническим недоторахом, четыре потенциальные фригидные дуры.

У нас у всех на груди висели значки – большие такие, бе-

лые, с надписью «С Иисусом в мир». Какой там мир, твою мать? Мы выглядели словно жертвы психологического научного эксперимента – забитые, довольные и молчаливые. Какой, мать его, мир? Когда перед нами маячила перспектива пяти унылых лет, пяти унылых комнат, одной унылой детской площадки, одной скудной библиотеки и одной, мать его, темы. Пять унылых комнат. Одна детская площадка. Одна небольшая библиотека. Одна, мать его, тема. И так пять дней в неделю. Из недели в неделю. Из года в года. Пять долгих лет начальной школы.

Что я знаю о мире? Да практически ничего. Я знаю, что он гораздо интереснее, чем все, что мне довелось повидать. Что он простирается дальше, чем наш убогий городок. Что он шире, чем наши настольные игры, что он куда глубже, чем все то, чему меня пытались учить.

Я видел тот мир, мир, частью которого мне никогда не стать. Я видел его. Я жил, соприкасаясь с ним. В супермаркете или на прогулке, в автосервисе, когда я смиренно ждал папу в уголке или в больнице, где моя мнительная маман сперва постоянно лечила меня от выдуманных болезней, а позже – проверяла на наркотике и алкоголь.

Я видел этот мир. Возможно именно от того, от этой мучительной близости к чему-то лучшему, мне всегда и было так невыносимо, так больно возвращаться в свой убогий, пропитанный нафталином и гнилью дом. Каждый чертов раз. Из недели в неделю. Из года в год. Много долгих лет.

И тогда, я помню, тогда мы стояли. И девять из нас были с этими глупыми улыбками на лицах. Девять из нас. Я не улыбался и мне казалось, что я понимаю намного больше их. Девять потенциальных счастливиц и один потенциальный ублюдок.

Школа моя, амбарного типа здание, с белыми стенами, как внутри, так и снаружи, с невысокими белыми потолками, настолько невысокими, что нашему учителю физкультуры, двухметровому амбалу, приходилось чуть ли не пополам складываться, чтобы пройти в дверной проем, а потом, потом все равно стоять, втянув в себя плечи и слегка согнув колени — он выглядел настолько же убого, насколько и весь этот маскарад учителей и учащихся. А потому, потому он предпочитал ждать нас на улице. И даже родительские собрания он проводил на улице, а внутрь заходил лишь в самых крайних случаях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.